

Марксистско-ленинская теория познания

I

Материализм и идеализм, как известно, отличаются друг от друга в зависимости от того, как решается ими основной философский вопрос: материалисты, опираясь на данные науки, утверждают первичность материи и вторичность сознания, идеалисты же, находясь в духовном родстве с религией, первенство приписывают сознанию, духу, ощущению, а материю, природу считают вторичным их порождением. Как указал в «Людвиге Фейербахе» Ф. Энгельс, основной философский вопрос имеет и вторую сторону: она заключается в ответе на вопрос о том, можем ли мы познавать объективный, материальный мир или же нам недоступна объективная истина и внешний мир остается для нас навсегда неразгаданным сфинксом?

Теория познания диалектического материализма дает единственно правильное решение вопроса о происхождении нашего познания, его отношении к объективному материальному миру, к природе и обществу, моментах познания и критерии истинности его.

Буржуазная идеалистическая философия, решая вопросы гносеологии, исходит из своего кардинального положения об автономности и приоритете сознания.

В действительности же в основе бытия лежит материя, как единственная объективная реальность, существующая независимо от нашего сознания, притом непрерывно диалектически развивающаяся и порождающая в процессе своего развития все новые и новые формы. Наука совершенно точно доказала, что сознания, мышления, как некоей особой самостоятельной, независимой от материи субстанции, нет. Великий голландский материалист XVII столетия Б. Спиноза опроверг психо-физический дуализм Декарта, признававшего реальное существование двух независимых субстанций — тела и души, и обосновал принцип материалистического монизма. Спиноза доказывал, что мышление есть атрибут материальной субстанции¹. Ошибка Спинозы,

¹ В 60-х годах XIX столетия, в обстановке Николаевской, России, талантливую защиту принципов материалистического монизма, опираясь на Людвиг Фейербаха и Б. Спинозу, дал великий русский просветитель Н. Г. Чернышевский: «Философия, писал он, видит в нем (человеке — С.К.) то, что видит медицина, физиология, химия. Эти науки доказывают, что никакого дуализма в человеке не видно, а философия прибавляет, что если бы человек имел, кроме реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаружилась бы в чем-нибудь и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его натуре, то другой натуры в нем нет» (Н. Г. Чернышевский т. VI, стр. 194).

однако, заключалась в том, что он приписал мышление всей природе в целом, не понимая его качественной особенности. Сознание, мышление отнюдь не присуще всякой материи. Сознание — продукт, свойство высокоорганизованной материи. Оно возникает лишь на определенной, очень высокой ступени развития материи. Из сказанного вытекают следующие выводы: 1) Идеалистическое отождествление бытия и мышления ложно, так как мышление только свойство материи, которая существует независимо от него.

2) Ложно также и вульгарно-материалистическое сведение мышления к механическому движению материи, вроде некоего «истечения из мозга». Эта теория «сведения» фактически растворяет сознание в материи. Механистический материализм не видит в сознании **качественно** особого свойства движущейся материи.

В конце XIX столетия в Америке появилось целое направление в психологии — **бихевиоризм** (от английского слова бихевиор — поведение). Его виднейшими представителями являются — Торндайк и Уотсон. Психология, по учению бихевиористов, не должна изучать явления сознания, а поведение, сводимое к физиологическим ответным реакциям на внешние раздражители. По утверждению Уотсона — «сознание с его структурными элементами ощущения, внимания... только фразы, не поддающиеся определению».

Бихевиористы, выключая из психологии ее прямой предмет — сознание, превращают человека и его поведение — в механический автомат. Узкое понимание рефлексологии, сводящее все познание человека к сумме физиологических безусловных и условных рефлексов, также ведет к игнорированию сознания, как качественно особого свойства высокоорганизованной материи.

Диалектический материализм, опираясь на данные науки, утверждает единство (тождество и различие), а не тождество бытия и сознания, тела и души. Это значит, что сознание не рассматривается, как некая самостоятельная субстанция, независимая от материи, но в то же время она и не сводится к ней: сознание — особое качество высокоорганизованной материи.

Диалектический материализм, как известно, устанавливает единые всеобщие законы развития природы, общества и мышления.

Вот почему мышление, сознание не имеют автономного, независимого от материи, существования и развития. Следовательно, развитие сознания, мышления может быть объяснено только исходя из анализа развития единого материального мира.

Исходя из этих основоположений диалектический материализм рассматривает процесс познания, как процесс отражения в сознании человека объективной материальной действительности — природы и общества.

Субъективная диалектика, говоря словами Энгельса, отражает объективную диалектику. Законы мышления одинаковы **по своему содержанию** с законами объективного мира, целиком с ними совпадая. «Законы логики, говорит Ленин, суть отражения объективного в субъективном сознании человека». Вся сумма общественно-исторической практики человека, миллиарды раз повторяясь, отражается в его мышлении в виде диалектически развивающихся логических

категорий, понятий. Исходя из учения о единстве (тождестве и различии) объективной и субъективной диалектики, Ленин, в отличие от Плеханова, не разобщал и противопоставлял друг другу логику, диалектику и теорию познания, а говорил об тождестве, указывая, что в этом «суть дела».

Вот почему Ленин утверждал, что диалектика и есть теория познания¹.

Современная наука еще не сумела показать, как и при каких именно условиях совершается переход от неоощущающей материи к ощущающей. Одно лишь неоспоримо и ясно: и здесь, как и во всех прочих процессах природы, никакого разрыва нет. Физико-химические изменения неорганической материи при определенных условиях усложнились появлением белковых веществ — новой формы единой материи — жизни. Открытие в 20-х годах XIX ст. Велером синтеза мочевины экспериментально подтвердило генетическую связь органической материи с неорганической. Развитие органических живых существ на определенном высоком этапе их организации порождает новое наиболее сложное свойство материи — психику.

«Материя не есть продукт духа, а дух есть лишь высший продукт материи»².

Основной отличительной особенностью сознания является—способность субъективного отражения объективных материальных процессов.

Необходимо отметить, что всякая ощущающая материя обладает способностью отражения, но не всякая отражающая материя наделена свойством ощущения.

Способность отражения более общее свойство материи, присущее в той или иной мере и неорганической материи, выражаясь в обычных физико-химических реакциях, и миру растительных и мало развитых животных видов. Вот почему Ленин утверждает, что в «ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением. На деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям»³.

Элементарной формой безсознательного отражения являются установленные американским ученым Лебом тропизмы или таксисы — произвольные движения (раздражимость) в известном направлении под влиянием определенного раздражителя у простейших растительных и животных микроорганизмов. Видов тропизмов чрезвычайно

¹ «А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к знанию» (Ленин, «Маркс», т. XXVIII, стр. 226).

² К. Маркс. «Избр. произведения», т. I, стр. 332, цитировано по «Краткому курсу истории ВКП(б)», стр. 107.

³ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1931 г., стр. 37.

много: фототропизм — движение растений к свету, термотропизм — теплу, баротропизм, хемотропизм и т. д. Яркий образец раздражимости показывает особый вид растений — мухоловки, судорожно сжимающие в своих листьях попадающую в них жертву — какое-либо насекомое.

Только на наиболее высоких ступенях развития животного мира при появлении нервной системы и больших полушарий мозга отражение принимает новые более развитые формы — психики. Наиболее высокой ступенью в развитии психики является **сознание человека**, возникшее как результат его общественно-трудовой деятельности. Психика животных, в том числе даже человекообразных обезьян, характеризуется инстинктивным бессознательным ее характером или же примитивным проявлением сознания. Известно, что пчелы продолжают собирать мед в соты и птицы откладывать пищу в гнезда и после того, как дно в них пробуровлено. Инстинктивный, в основном, характер психики животных определяется характером их отношений к природе: животные пассивно с помощью своих естественных органов приспособляются к природе, не умея выделять себя из окружающей среды и ставить себя в особые целенаправленные к ней отношения. Как известно, человек отличается от всего остального животного мира именно тем, что он умеет изготавливать орудия труда, что его труд, в отличие от труда животных, есть целесообразная затрата энергии, что на этой основе человек активно воздействует на окружающую природу и ее, в своих интересах, преобразует. Активно воздействуя на окружающую его природу, человек, говоря словами Маркса, изменяет и свою собственную природу.

Ф. Энгельс в своей замечательной работе «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» показывает процесс трансформации, под влиянием труда, человекообразной обезьяны в человека. Труд «первое основное условие человеческого существования и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека». Энгельс показывает процесс дифференциации у далекого предка человека (*Pithecantropos erectus* — прямостоящая человекообразная обезьяна) его передних и задних конечностей, появление вертикальной походки, расширение грудной клетки, появление подбородочного бугра, как физиологической предпосылки речи, формирование человеческого мозга.

«Начавшееся вместе с развитием руки и труда господство над природой расширяло с каждым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган, неразвита глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, путем постепенно усиливаемых модуляций, ее органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим... Объяснение развития языка из процесса труда... является единственным верным. Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь являлись самыми главными стимулами, под влиянием которых

мозг обезьян мог превратиться в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельное развитие его ближайших орудий — органов чувств... обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проявляющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию»¹.

Таким образом животнобразный инстинктивный труд превратился в труд сознательный, целенаправленный, человеческий. Известны указания Маркса на то, что отличает операции паука, создающего причудливые ткани — паутины, и пчелы, строящей сложные восковые ячейки, от труда ткача и архитектора.

«Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника, он не только изменяет форму того, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»².

Качественно различный характер отношений животного и человека к природе определяет и качественно различный у них характер психики.

Сознание, в собственном смысле слова, присуще только человеку: «Мышление и сознание... суть продукты человеческого мозга»³.

Известны остроумные опыты Вольфланга Келлера, пытавшегося доказать наличие у развитых человекообразных обезьян, шимпанзе, умения изготавливать орудия труда и наличие у них качественно однородного с человеческим сознания. Стремясь привлечь к себе находившийся вне клетки банан, шимпанзе («Султан») действительно проявил замечательную изобретательность: положенные в поле его зрения две полые бамбуковые палочки он соединил, вдев одну в другую, достав таким путем привлекавший его плод.

Для того, чтобы сорвать висевший у потолка клетки апельсин «Султан» ставил один ящик поверх другого и легко разрешал задачу.

Однако, во всех этих опытах — налицо искусственно созданная экспериментатором обстановка, во-вторых, малейшее нарушение непосредственно данной структуры, — единого зрительного поля, ставит шимпанзе в тупик, делает ее беспомощной (напр., если один из ящиков обычно служил для сидения другой обезьяны, «Султан» уже не догадывался о возможности его использования), в-третьих, нет никаких оснований в приемах шимпанзе усмотреть умение изготавливать орудия труда. Только человек в своей трудовой многообразной целенаправленной деятельности не связан с непосредственно данной струк-

¹ «Диалектика природы». «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны». Изд. 2-е, 1929 г., стр. 64-65.

² К. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 149.

³ Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 22, цитировано по «Материализму и эмпириокритицизму», стр. 71.

турой, только он активно преобразует природу с помощью изготавливаемых им орудий труда, только ему присуще сознание, как высшая форма психики.

«Мое отношение к моей среде есть мое сознание» ... Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня, животное не относится ни к чему, для животного его отношение к другим не существует, как отношение. Таким образом, сознание есть изначально исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди»¹.

Установив качественные особенности человеческого сознания, мы сможем правильно разрешить **вопрос о взаимоотношениях субъекта и объекта** в процессе диалектического познания. Нам известны решения этого кардинального вопроса теории познания различными направлениями идеалистической философии. **Субъективный идеализм** (Беркли, Юм, Фихте) растворяет объективный материальный мир в субъекте, причем последний целиком отождествляет с сознанием. **Абсолютный идеализм Гегеля** растворяет бытие, объективный мир в абсолютном субъекте — мировом разуме. **Критический идеализм** Канта воздвигает непреодолимый барьер между субъектом и непознаваемым объектом.

Процесс человеческого познания идеалистическая философия рассматривает, как спонтанный (самопроизвольный) процесс, лишенный всякого предметного содержания. Познание, с этой точки зрения, имеет своим объектом самое себя.

Историческая заслуга **Л. Фейербаха** заключалась в том, что он сумел ярко и убедительно доказать всю несостоятельность идеалистической теории тождества субъекта и объекта.

На примере человека Фейербах показал, что субъект это отнюдь не одно лишь сознание, что последнего без мозга, нервов и всего живого организма человека в целом нет, что человек — наглядное и неопровержимое доказательство единства, а не тождества субъекта и объекта. Метафизический материализм Л. Фейербаха, однако, не мог дать вполне правильного решения вопроса о единстве субъекта и объекта. Фейербах видел в человеке прежде всего физиологическое существо, его неизменную биологическую природу. Фейербах не видел в субъекте исторически, социально обусловленного человека. Фейербах не понимал определяющего значения общественно-производственной практики в историческом процессе человеческого познания. Фейербаху был также чужд диалектический взгляд и на объективный материальный мир, — природу и общество. Вот почему Фейербах не дал удовлетворительного разрешения вопроса о единстве субъекта и объекта. Это единство он видел исключительно в неизменной физиологической природе человека. Между тем, единство субъекта и объекта дано в исторически развивающейся общественно-трудовой практике челове-

¹ Маркс и Энгельс. «Немецкая идеология», стр. 220.

Качественные особенности психики человекообразной обезьяны и человека, определяемые в конечном итоге различным характером их труда, коренятся, как блестяще это показал академик Павлов, в различной структуре их мозга: логическое мышление обусловлено наличием у человека так называемой вторичной сигнальной системы, локализованной в лобных долях полушарий головного мозга.

чества. Только на этой социально-исторической основе и происходит диалектический процесс отражения в социальном субъекте объективного материального мира — природы и общества.

Причем сознание человека — отнюдь не является пассивным продуктом, реакцией на влияние внешнего мира.

Процесс диалектического единства субъекта и объекта находит свое выражение в том, что сознание, отражая объективные материальные процессы, само обратно активно воздействует на них.

Так математика, отражая количественные закономерности в явлениях природы, становится важнейшим методом физико-химической науки, способствуя таким образом могучему расцвету техники, промышленности и сельского хозяйства.

Так человек, в процессе своей трудовой деятельности все глубже и правильнее постигая природу тепловых процессов, прошел многовековой долгий путь от примитивного добывания огня путем трения до изобретения парового двигателя и динамомашин.

Так гениальная интуиция древне-греческих материалистов, Демокрита и Эпикура, об атомах, правильно отражая основные физические свойства материи, легла в основание всего дальнейшего развития физико-химической науки. Милликан указывает на то, что кинетическая теория материи, лежащая в основании объяснения процессов электричества, теплоты и света, в самых существенных чертах была выдвинута на заре греческой мысли Левкиппом и Демокритом, хотя и встретила ожесточенных противников в мире философов идеалистов древности, особенно Платона и Аристотеля¹.

Так эволюционное учение Дарвина, давая гениальное обоснование закономерностей развития всего животного и растительного мира, — определило в свою очередь грандиозные успехи научной генетики и синтетической селекции, в частности межвидовой гибридизации (Бербанк, Мичурин, Цицин и др.).

Открытие научных законов атмосферных явлений определило огромное практическое значение метеорологии для сельского хозяйства, мореплавания и воздухоплавания.

Вся история научного материалистического естествознания и техники ярко свидетельствуют о все более и более растущем преобразующем воздействии социального субъекта на объективный материальный мир.

Социология только тогда была возведена в ранг подлинной науки об обществе, когда впервые Марксом были открыты объективные закономерности исторического процесса. Только на этой основе стали возможны гениальные научные прогнозы Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Марксо-ленинская теория, будучи высшим обобщением научной мысли и трудовой практики человечества за тысячелетия, является гранитным фундаментом изумительного творчества миллионов трудящихся масс, преобразующих мир на началах коммунизма.

Теория Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, давая глубоко

¹ Милликан «Новые доказательства кинетической теории материи», «Философия науки», сб. II, 1924, стр. 45.

научное правильное отражение объективных законов общественного развития, именно потому «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела»¹.

В условиях современного обострения всеобщего кризиса капиталистической системы и грядущего второго тура пролетарских революций неизмеримо вырастает значение субъективного фактора, партии, как авангарда и организатора рабочего класса и трудящихся масс, марксистско-ленинской теории.

Одна из наиболее серьезных ограниченностей философов и естествоиспытателей прошлого состояла, по словам Энгельса, именно в том, что они «совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление; они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и первой основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу»².

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что человеческое сознание, вырастая на почве общественно-трудовой практики, само включается в нее, как ее составной и существенный момент.

II

Каковы же основные этапы, ступеньки диалектического процесса познания человеком объективного мира?

Объективный вне нас находящийся материальный мир отражается в ощущениях, восприятиях, представлениях, понятиях, суждениях и умозаключениях человека.

«Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»³.

Ленинская теория отражения чрезвычайно глубока. Видя во всех моментах сложного человеческого познания — образы, копии, слепки с предметов внешнего мира, Ленин никогда не понимал отражения, как мертвый статический акт.

«Познание есть вечное бесконечное приближение мышления к объекту. Отражение природы и мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», **не без движения**, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»⁴.

Отражение материальной действительности в сознании людей — не мертвое зеркальное отражение, а длительный исторический процесс.

Начальным моментом человеческого познания, исторически и логически, являются **ощущения**. Научное мышление во всех специальных областях начиналось с собирания, систематизации и классификации материалов непосредственного чувственного опыта. Умственное развитие ребенка начинается прежде всего с постепенного расширения и укрепления всего комплекса чувственного восприятия мира. Это обстоятельство, как известно, Локк выдвинул в качестве серьезнейшего аргумента против теории врожденных идей Декарта.

¹ Сталин, «Вопросы Ленинизма», стр. 299—300.

² Энгельс «Диалектика природы», Соч. М. и Э., т. XIV, стр. 406.

³ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 127.

⁴ Ленин. «Философские тетради», стр. 188.

Дети, по словам Локка, имеют дело раньше всего с внешними вещами, так как эти вещи всего чаще воздействуют на их чувства. Гораздо раньше, чем ребенок начинает говорить, он умеет различать сладкое от горького. Представление о числах возникают у ребенка только после весьма продолжительного чувственного опыта.

«Мы постепенно приобретаем идеи и имена, изучаем их взаимную связь. Ребенок сейчас же согласится с предложением «яблоко не огонь», когда после близкого знакомства идеи этих двух различных вещей будут ясно отпечатлены в его душе и он выучит замещающие их слова «яблоко» и «огонь». Но вероятно пройдет еще много лет, прежде чем ребенок согласится с предложением «одна и та же вещь не может в одно время быть и не быть. Быть может, слова последнего предложения выучить также легко, но так как значение этих слов шире, отвлеченнее значения имен, связываемых с чувственными вещами, с которыми имеет дело ребенок, то он не скоро выучит их точный смысл и пройдет много времени, прежде чем в его душе образуются замещаемые ими общие идеи»¹.

Заслуга Локка заключалась в том, что он дал всестороннее опровержение идеалистического учения Декарта о спонтанности логического мышления и показал, что оно постепенно возникает в процессе все более расширяющегося опыта человека. Ребенок, разумеется, и понятия не имеет о формально-логических законах тождества и противоречия, но он «прекрасно знает, что нянька, которая его кормит, не кошка, с которой он играет, и не арап, которым его пугают, что цитварное семя или горчица, от которой он отвергивается, не яблоко и не сахар, которого он требует с плачем, все это он знает достоверно и несомненно»².

Локк едко иронизирует над философами, которые полагают, что «дети соединяют общие отвлеченные умозрения со своими сосками и погремушками».

Б. Прейер в своей работе «Душа ребенка», путем тщательного наблюдения, показал, как постепенно на основе расширяющегося чувственного опыта, оставляющего в мозгу органические изменения, формируется сознание ребенка. Ребенок в первые недели жизни только отличает светлое от темного, он крайне несовершенно различает в течение первых месяцев краски.

«Всего медленнее, сообщает Прейер, тянется у ребенка постепенное развитие способности **объяснять себе виденное**. Прозрачность, блеск, тени в продолжение целых годов остаются непонятными, и только в результате часто повторенного распознавания утрачивают свою загадочность»³.

Процесс познания начинается с влияния предметов и процессов материального мира на органы чувств, или рецепторы, откуда физиологический процесс возбуждения передается в высшие нервные центры, порождая ощущения.

«Ощущения суть функции центральной нервной системы»⁴.

¹ Локк, «Опыт о человеческом разуме», 1898 г., стр. 34.

² Там же, стр. 36.

³ Б. Прейер. «Душа ребенка», 1896 г., стр. 200.

⁴ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 73.

Ощущения — это первичная ступень познания. В ощущениях осуществляется **непосредственная** связь познающего субъекта с объективным материальным миром.

«Энергия внешнего раздражения, по словам Ленина, превращается в факт сознания, в субъективный образ объективного мира»¹.

«Материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение»².

Через ощущения мы познаем многообразный объективный, вне нашего сознания существующий, материальный вещественный мир. Ощущения «дают нам верные изображения вещей, «верный снимок с объективной реальности»³.

Ленинская теория отражения, однако, отнюдь не видит в ощущениях последний источник всего нашего познания. Такая точка зрения разделяется только субъективными идеалистами — Беркли, Юмом, Махом. Их ненаучность, фидеизм, поповщина заключается в том, что они отрицают самое существование объективного материального мира, как единственно возможного последнего источника ощущений. Так как субъективные идеалисты отрывают ощущения от породившего их материального мира, а последний рассматривают, как комплекс ощущений, то естественно, что в конечном итоге, источником ощущений объявляется боженька (Беркли) или же возникновение ощущений рассматривается, как некий самопроизвольный процесс.

«Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть, пишет Ленин, вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии, вопрос, который может быть переряжен на тысячи ладов клоунами профессорами, но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли источник человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние. Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания — это одно и то же». — «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями»⁴.

Ощущения дают отражение лишь отдельных сторон и свойств предметов внешнего материального мира и их внешнюю связь, а не цельный их образ. Не следует, разумеется, забывать, что отдельные стороны и свойства предметов, отражаемые в ощущениях, даны в объективном мире в закономерном необходимом единстве. Разнообразие ощущений определяется разнообразием свойств, сторон, форм единого предметного мира и разнообразием органов чувств в связи с многогранной дифференцированностью деятельности мозга. Различие ощущений, следовательно, не абсолютно, так как все они связаны с различными органами чувств единого человеческого организма.

¹ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 41, 97.

² Ленин. Там же, стр. 45.

³ Ленин. Там же, стр. 105.

⁴ Ленин. Там же, стр. 105, 106.

Ощущения и восприятия,— непосредственно отражая объективный материальный мир, дают нам, однако, только приблизительно верное познание о нем. В ощущениях и восприятиях, наряду с объективным материальным содержанием, имеются и субъективные моменты — влияние органов чувств.

Ощущения и восприятия, отображая объективные свойства вещей, зависят также от строения и состояния органов чувств и мозга и носят поэтому и субъективный характер. Это разумеется, не дает абсолютно никаких оснований для агностических выводов.

Отсюда лишь следует, что ощущения, восприятия представления, дают нам **более или менее верное** отражение объективного вещественного мира. Мышление, подвергая данные чувственных восприятий рациональной методологической обработке, обеспечивает более адекватное отражение предметного мира.

Психология устанавливает следующие основные виды ощущений— **органические ощущения** (голод, жажда, половые ощущения, болевые ощущения внутренних органов и т. д.), **кожные ощущения** (осязательные, температурные и болевые), **проприоцептивные ощущения** (ощущения положения и движения), **вкусовые ощущения**, **обонятельные ощущения**, **слуховые ощущения** и **зрительные ощущения**. Все эти виды ощущений отражают те или иные отдельные стороны и свойства вещей и внешние связи между ними.

Так как в природе не существует единичного, отдельного в изолированности от общего и явления, оторванного от сущности, то уже в ощущениях и тем более в восприятиях дано **элементарное** отражение также и сущности предмета. Только на этой основе и возможно дальнейшее качественно более глубокое отражение сущности предметов, процессов, их внутренней закономерности в понятиях, суждениях и умозаключениях.

Гносеологически ощущения являются первичной ступенью познания. Но только в младенческом возрасте имеет место фактическая изолированность, разорванность ощущений и их преимущественно рефлекторный характер.

Фактически в процессе познания взрослого человека ощущения, разумеется, никогда не даны вне восприятий. Ощущения органически включены в целостный процесс восприятия.

Восприятия воспроизводят, отражают в нашем сознании не те или иные качественно отличные стороны предмета, а дают непосредственный образ предмета в единстве всех его сторон, в его цельности. Восприятия возникают на основе ощущений, но не сводятся просто к их сумме. Восприятия всегда ассоциируются с представлениями о ранее воспринятых предметах и, что особенно важно, носят определенный осмысленный характер. Восприятия тесно связаны с корректирующим их мышлением.

Особенностью восприятия является его целостность, несводимость к простой механической сумме отдельных ощущений. Восприятия, в отличие от отдельных ощущений, отражают единство, целостность предметов внешнего мира. Наше понимание целостности восприятий, разумеется, ничего общего не имеет с идеалистической теорией гештальт-психологии, которая эту особенность восприятий относит все-

цело к психофизиологическим особенностям субъекта. Сложные восприятия также не могут быть сведены к механической сумме простых. Так, наблюдая хлебное поле, мы воспринимаем не отдельные только колосья ржи или пшеницы, а целостный их образ. Образ мчащегося поезда отнюдь не воспринимается нами, как механическая совокупность изолированных вагонов. Плох тот наблюдатель, который из-за отдельных деревьев не видит леса. Музыкальная мелодия дает совершенно своеобразное сочетание и соотношение отдельных звуков и не может быть сведена к простой механической их ассоциации. Геометрические фигуры не воспринимаются нами, как совокупность изолированных линий. Таким образом восприятия активно перерабатывают данные ощущений.

Особую вспомогательную функцию в процессе познания выполняют **представления**. В отличие от ощущений и восприятий представления не связаны с непосредственным воздействием предметов на органы чувств. Представления воспроизводят образы ранее воспринятых единичных предметов. Гоббс, определяет представление, *imaginatio*, как ослабленное, благодаря удалению объекта, ощущение. Представления дают образы о ранее воспринятых единичных предметах, обогащенных памятью о многих единичных предметах данного рода. Поэтому представления дают более отчетливое отражение существенных свойств предмета и являются переходом от ощущений и восприятий к мышлению.

В деле формирования индивидуального сознания человека, исторической преемственности накопленных человечеством знаний громадная роль принадлежит **памяти**, которая является своеобразным хранителем ощущений. Гоббс эту связь памяти с ощущениями отчетливо видел. Он говорил, что воспоминание есть ощущение того, что мы когда то ощущали. (См. Гоббс «Сочинения», стр. 115—«Учение о теле»).

Синтезируя материал индивидуального познания со всечеловеческим его итогом, — память — неперемненное **условие** научного опосредственного отражения объективных материальных процессов, происходящих в природе и обществе.

* * *

В. И. Ленин, перечисляя области знаний, на разработке которых должна строиться марксистская теория познания, особое значительное место отводит **истории языка**.

В деле изучения социальной сущности языка, его генезиса и истории, а также органической связи языка с мышлением, исключительно велики заслуги крупнейшего советского ученого Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр доказал полную научную несостоятельность и глубокую реакционность расовой теории «праязыка», согласно которой языки мира распадаются на расово-обособленные между собой генетически совершенно не связанные «семьи» (индо-европейскую, семитическую, финно-угорскую и т. п.). По учению Н. Я. Марра «язык с точки зрения новой теории есть не только орудие общественности... Язык сам есть создание общественности»¹.

¹ Н. Я. Марр. «Лингвистически намечаемые эпохи», Избранные работы, т. III, стр. 56.

«Человечество, по словам Н. Я. Марра, сотворило свой язык в процессе труда в определенных условиях и пересоздает его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта, сообразно новому в этих условиях мышлению»¹.

Уже Л. Нуаре показал, что глагольные формы человеческой речи коренятся в трудовой и притом коллективной деятельности человека «ибо не роющийся и копающийся зверь, но человек, который совместно с другими рыл себе в земле пещеру, явился тем существом, которое вызвало и вместе с тем создало этот древнейший звук речи, это древнейшее понятие»².

К аналогичным выводам, под влиянием Нуаре, пришел и Макс Мюллер. Язык, по словам М. Мюллера, есть продукт деятельности, некоторые из простейших действий, каковые действия, выражаемые глаголами — ударять, толкать, обрезать, соединять, принять, обрабатывать, ткать и т. д., — сопровождалась, и теперь еще сопровождаются известными произвольными звуками, сначала неопределенными и изменчивыми, а потом принимавшими мало по малу более определенную форму. Эти звуки были сначала неотделимы от действия, так например звук *таг* сопровождал действия натирания, полирования камня, натачивания оружия³.

К. Бюхер в своем известном труде «Работа и ритм» показал связь между ритмическими процессами труда и их сопровождающими ритмическими восклицаниями, песнями и т. д.

Все эти высказывания, также как и теория Марра, подтверждают целиком социально-трудовую теорию происхождения языка Ф. Энгельса, развитую им в известной работе «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»⁴.

Так называемый «палеонтологический» метод Марра, отыскивающий корни слов в далеком историческом прошлом человечества, вскрывает социальное происхождение языка. На огромном протяжении истории, по учению Марра, господствовала не звуковая, а кинетическая ручная речь (язык жестов) и соответствующее ей диффузное нерасчлененное мышление, не знающее дифференцированных понятий.

Труд, трансформировавший обезьяну в человека, сопровождался непрерывным прогрессом в изготовлении орудий труда.

Искусственные орудия труда определили переход от ручной речи к звуковой, создали опосредствованные отношения между человеком и природой и породили новую, более высокую форму мышления, опосредствованного логического. Согласно исследований Марра именно при звуковой речи «нарождается в мышлении восприятие каузальности, причины и следствия, опоры для логического мышления»⁵.

Мышление в своем генезисе и развитии неразрывно связано с языком, речью.

¹ Н. Я. Марр. «Яфетическая теория», т. II Избранных работ, стр. 25.

² L. Noiré «Der Ursprung der Sprache», 1877.

³ Max Muller. «Ueber den Ursprung der Vernunft» в Essays, II Band, 1881.

⁴ «Диалектика природы», 1929 г., стр. 65.

⁵ Н. Я. Марр. «Язык и мышление», стр. 51, 52;

«Без языка, говорит проф. А. Л. Погодин, невозможно ни логическое мышление, ни образование понятий».¹

Логическое познание, оперирующее отвлеченными категориями, понятиями, без звуковой речи было бы совершенно невозможно.

Основная функция речи — в обозначении, **отражении** предметов внешнего мира. Причем речь, слова служат орудием обобщения различных вещей, их признаков и отношений. Следовательно, единственно только с помощью речи человек получает возможность уже не одного только непосредственного отражения объективного мира.

«Уже самое простое **обобщение**, первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений etc.) означает познание человека, все более и более глубокой **объективной** связи мира»².

Учение Н. Я. Марра о языке показало, что все логические категории — время, пространство, причинность и др. коренятся не в априорных формах рассудка, а в конечном итоге в материальных условиях производства. Уже Ф. Энгельс показал, что представление о причинности возникает, благодаря **деятельности человека**. «Деятельность человека дает возможность **доказательства** причинности. Если, взяв зажигательное зеркало, мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой эффект, какой дает обыкновенный огонь, то мы доказываем этим, что от солнца получается теплота»³. Основной недостаток старого учения о языке Н. Я. Марр видит в том, что оно ограничивалось изучением законов фонетики — звуковых явлений и игнорировало законы семантики (смысловое содержание речи) — «законы возникновения того или иного смысла, законы осмысления речи и затем частей ее, в том числе слов. Значения слов не получали никакого идеологического обоснования»⁴.

Великая заслуга Н. Я. Марра заключается в том, что он, на основе огромного лингвистического материала, подтвердил учение Маркса о том, что мышление, как и его орудие язык, коренятся «не в нем самом и не в природе, а в материальном базисе, как это установлено диалектическим материализмом»⁵.

Философское значение учения Марра Н. Я. заключается в том, что оно в диалектике языка показывает ключ к изучению диалектических стадий развития мышления.

III

Отражение материального мира в наших ощущениях нельзя рассматривать исключительно с физиологической точки зрения, как исторически неизменный процесс. Социальная практика человечества трансформирует характер, силу и глубину чувственных восприятий. Последние, как и все в природе, также подвержены процессу диалек-

¹ А. Погодин. «Вопросы теории и психологии творчества», т. IV, 1913 г., стр. 546.

² В. И. Ленин. «Философские тетради», стр. 173.

³ Ф. Энгельс. «Диалектика природы», стр. 16.

⁴ Н. Я. Марр. «Язык и мышление», стр. 48.

⁵ Н. Я. Марр. Там же, стр. 29.

тического развития. Энгельс указывал на качественно различный характер ощущения человека и животных: «Орлиный глаз, — писал Энгельс, видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз различает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются известными признаками различных вещей»¹.

Чувственные восприятия общественного человека обуславливаются отнюдь не одной только его физиологической природой, но и по их содержанию и по форме, в весьма значительной мере, исторически развивающейся общественно-трудовой практикой.

«Музыкальное ухо, глаз, умеющий понимать красоту формы, одним словом, человеческое чувство, человечность органов чувств возникает только благодаря бытию их предмета, благодаря очеловеченной природе. Образование пяти чувств, это продукт всемирной истории»².

Для голодного безработного рабочего не существует, разумеется, богатых вкусовых ощущений, зато очень сильны органические ощущения голода и жажды. Громадное большинство трудящегося населения царской России не имело или почти не имело никакой возможности использовать все богатство зрительных и слуховых эстетических ощущений и восприятий.

Рост материального благополучия трудящихся Советского Союза, грандиозный подъем их культурного уровня, чрезвычайно и многообразно расширяют диапазон всего, в том числе и чувственного, познания граждан социалистической страны.

Ленинская теория отражения, в отличие от наивного реализма, не относится со слепым доверием к показаниям органов чувств, хотя они и отражают приблизительно верно и точно вещественный материальный мир. Однако, чувственные ощущения и восприятия нуждаются в рациональной, методологической обработке. Чувственные ощущения могут давать и искаженные образы вещей: так прямая, опущенная в воду, палка воспринимается, как изогнутая, солнце, луна, звезды кажутся нам весьма небольшими по своей величине, все предметы по мере их все большего от нас удаления кажутся нам все меньшими по своему размеру и т. д. Известная субъективная ограниченность наших чувственных восприятий непрерывно все более и более преодолевается по мере развития производительных сил и техники. Многочисленные, тонко и точно действующие приборы, которые Виннер назвал «расширением наших органов чувств», — микроскоп, телескоп, термоэлементы, хронометрические приборы, гальванометры и гальваноскопы, рентгеновские и радиоаппараты — чрезвычайно расширяют, усиливают и углубляют возможности наших восприятий. Так изобретение ультрамикроскопа сделало возможным исследование движения с большей точностью и экспериментирование с более мелкими частями. С помощью ультрамикроскопа Эренгаф в 1907 г. установил, что броуновское движение имеет место не в одних только жидкостях,

¹ Ф. Энгельс. «Диалектика природы», стр. 66.

² К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч. т. III, стр. 627.

но еще более резко обнаруживается мельчайшими частицами, взвешенными в газах¹.

Так электронный микроскоп позволяет получить увеличенное изображение исследуемого объекта, используя при этом вместо световых лучей пучки электронов, испускаемых или отражаемых поверхностью объекта.

Для фокусирования электронных лучей пользуются специальными электронными линзами. Электронные сверхмикроскопы дают возможность увеличивать изображение объектов в 100.000 раз. Применение электронного микроскопа открывает широкие возможности в областях коллоидальной химии, структурной химии, в металлургии, в микробиологии и т. д.².

В условиях современного военного боя физика, при помощи точных звукометрических приборов, дает возможность артиллерии стрелять по невидимым, но звучащим батареям противника. Исключительно велики перспективы телевидения с самолета, дающего возможность, находясь в глубоком тылу, видеть на матовом экране в секретной темной комнате штаба все поле боя. Все новые и новые средства борьбы и защиты во время боя изобретает современная физика: совершенствуются звукоуловители, создаются приборы, улавливающие невидимые лучи, и т. д.

Как известно, слух человека улавливает только такие колебания, частота которых лежит в пределах от 10 до 20 тысяч герц (герц — 1 колебание в секунду). Однако, физика поставила на службу человеку и область неслышимых звуков. Уже получены ультразвуки с частотой колебаний до 16000000. С помощью особого прибора, в который включена пластинка кварца, являющегося отличным излучателем ультразвуковых колебаний, известный французский ученый Ланжевен разработал методы использования ультразвуков. Ультразвуки применяются сейчас широко и для уничтожения бактерий, для стерилизации сырых яиц, остающихся свежими в течение месяцев при комнатной температуре, для уничтожения особого паразита, нападающего на шелковичных червей, для улучшения роста семян растений, для исследования трещин, раковин и других изъянов в металлах, для ускорения химических реакций и во многих других случаях.

Процесс человеческого познания не застывает на ступени непосредственного чувственного отражения предметов и процессов материального мира — природы и общества.

Адекватное (правильное), глубокое отражение познаваемых процессов требует раскрытия внутренней связи явлений, обнаружения их сущности, закона.

«Задача науки, писал Маркс, заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности движение свести к действительному внутреннему движению»³.

¹ Рутерфорд «Современное положение атомной теории». В сборнике «Философия науки», 1929, стр. 208.

² Журнал «Заводская лаборатория», т. VIII, 1939 г. И. Г. Сушкин «Электронный микроскоп», стр. 826—830.

³ К. Маркс. «Капитал», т. III.

Ленинская теория отражения дает правильное решение вопроса о диалектике чувственного и логического моментов в человеческом познании. Чувственные ощущения, восприятия, представления образуют обязательный источник, фундамент логического познания. «Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем»¹.

В самых чувственных восприятиях имеются некоторые, хотя и поверхностные, элементы, отражающие и общие связи в предметах природы.

«Разве, — писал Л. Фейербах, — я вижу только листья, а не деревья также? Разве нет чувства тождественности, одинаковости и различия? Разве закон тождества не есть в то же время закон чувственности созерцания?»².

Однако, переход от ощущения к мышлению означает несомненный скачок, подобно переходу от материи к ощущению, образуя качественно новую ступень в сложном процессе человеческого познания. Если восприятие не может быть сведено к простой механической сумме ощущений, то это в еще большей мере относится к логическому мышлению.

Логическое познание, в отличие от чувственного, дает опосредствованное отражение явлений, предметов, процессов объективного материального мира — природы и общества. Совершенно очевидно, что с помощью непосредственного чувственного восприятия невозможно познать, допустим, таких процессов как рост живого организма. Уже Дицген, зло иронизируя по адресу идеалистов, агностиков и их недоверия к человеческим органам чувств, говорил: конечно, человек не может видеть, как трава растет, и слышать, как блоха кашляет. Но, как указывал справедливо Энгельс, специальное устройство человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания, так как на помощь ему приходит мощь мышления.

Ограниченность узкого вульгарного эмпиризма, игнорирующего значение логического мышления, высмеивал Гегель: «Если бы, писал Гегель, естествознание захотело ограничиться одними наблюдениями и свидетельствами чувств, то оно должно было бы только осматривать, обонять, ощущать предметы, и в этом смысле животные были бы также естествоиспытателями»³. Уже Аристотель отчетливо показал разницу между ощущением и логическим познанием.

Он говорил о том, что «чувственное восприятие относится к единичному, наука же есть (знание) общего»⁴.

Логическое познание абстрагируется от непосредственно данных нам отдельных единичных конкретных явлений и вскрывает их внутреннюю взаимосвязь, сущность, закономерность. С помощью непосредственного чувственного познания невозможно, конечно, познать ни закона всемирного тяготения, ни внутриатомных процессов, ни законов астро-физики, ни теории естественного отбора, ни закона стоимости, ни законов классовой борьбы.

¹ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», Собр. соч. т. XIII, стр. 247.

² Ленин. Собрн. XII, стр. 139.

³ Гегель. «Философия природы», 1868 г., перевод В. П. Чиждова, стр. 27.

⁴ Аристотель «О душе», 1937 г., стр. 53.

Диалектический путь человеческого познания гениально установлен Лениным: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»¹.

В ряде замечательных высказываний Ленин показывает качественную специфику опосредствованного логического отражения. «Абстракции материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»².

«Понятие (познания — в бытии, в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон, причины, тождество, различие etc.), таков действительно общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще»³.

Только теоретическое, логическое познание завершает, на исторически определенном этапе, диалектический процесс глубокого отражения соответствующих явлений, процессов.

«Атомы и молекулы... нельзя, писал Энгельс, наблюдать микроскопом, а только мышлением... Здесь волей-неволей приходится мыслить»... «Сколько бы ни высказывать пренебрежения ко всякому теоретическому мышлению, все же без последнего невозможно связать между собой любых двух естественных фактов или же уразуметь существующую между ними связь»⁴.

На соображения вульгарных эмпириков и позитивистов, ограничивающих задачу познания лишь описанием, регистрацией непосредственно данных предметов, явлений, Ленин отвечает так:

«В известном смысле представление, конечно, ниже. Суть в том, что мышление... должно быть диалектическим. Представление **ближе** к реальности, чем мышление? И да и нет. Представление не может охватить движения в целом, например, не схватывает движения быстрой 300.000 км в секунду, а мышление **схватывает** и должно схватить»⁵.

Указывая на сложный, спиралеобразный путь отражения, Ленин остроумно говорит о диалектической особенности логического познания, заключающейся в том, что оно не находится в непосредственном контакте с объектом, а отходит от него, «чтобы вернее попасть — отступить, чтобы лучше прыгнуть»⁶.

Само собою разумеется, что конкретная материальная действительность, чувственно нами воспринимаемая, является исходным моментом познаний. Но для того, чтобы эту действительность всесторонне отразить в нашем познании, необходимо «отойти» от нее, воспроизводя ее уже с помощью абстрактных понятий.

Следовательно, в логическом познании действительность выступает уже как результат. Как известно, К. Маркс в своем «Введении к критике политической экономии» именно так понимаемый метод материалистической абстракции считал единственно научным методом

¹ Ленин. «Философские тетради», стр. 166.

² Ленин. Там же, стр. 166.

³ Ленин. «Сборн. XII», стр. 290.

⁴ Ф. Энгельс. «Диалектика природы», 1929 г., стр. 2 и 83.

⁵ Ленин. «Философские тетради», стр. 218.

⁶ Ленин. XII сбор., стр. 229.

познания капиталистического общества, раскрытия его существенных противоречий.

Для того, чтобы изучить мир микроорганизмов, человек должен предварительно изготовить весьма сложные микроскопы. Непосредственное изучение размеров и температуры звезд, разумеется, невозможно. Но с помощью сложных специальных приборов, например, интерферометра и на основе изучения цвета звезд современная астрономия устанавливает температуру и размеры самых отдаленных от нас звезд. Сказанное подтверждает правильность слов Ленина о том, что «истина лежит не в начале, а в конце, вернее в продолжении. Истина не есть начальное впечатление»¹.

Разработке диалектико-материалистической логики, научному обоснованию логических категорий, освобожденных от гегелевской мистики, Ленин придает громадное значение. Метафизическая, формальная логика, опираясь на законы тождества, противоречия и исключенного третьего, и по существу игнорируя материальное содержание процесса и тем более внутреннюю взаимосвязь его сторон, конструирует безжизненные, застывшие, неизменные мертвые логические категории и понятия. **Особенность диалектически разработанных понятий заключается в том, что они отражают противоречивые моменты в процессе познания и их борьбу, единство общего, особенного и частного в нем, при учете гибкости, взаимосвязи и взаимопереходов одних понятий в другие.** На этой именно диалектической основе построены все научные обобщения, понятия Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Маркс сумел в видимой игре рыночных цен вскрыть закон стоимости. Обнаружив противоречия в первичной клеточке капиталистического общества — в товаре, Маркс на этой основе вскрыл существеннейшие законы, движущие противоречия всего капиталистического общества. Маркс бичует вульгарного экономиста, который гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное объяснение. «К чему же тогда вообще наука?».

Научные диалектические абстракции Маркса дают цельное отображение действительности во всем ее конкретном многообразии: категории «Капитала» за непосредственной, данной в живом созерцании, **видимостью** явлений вскрывают их **сущность**.

Маркс разоблачил мистическую тайну фетишизма товарного производства, прикрывающего подлинную эксплуататорскую природу капитализма. Товарный фетишизм превращает общественные отношения людей в отношения вещей, наделяя последние подлинно магической силой. Отношения между капиталистом и рабочим маскируются, создание прибавочной стоимости рассматривается не как результат эксплуатации рабочей силы, а результат использования всего капитала. Заработная плата объясняется, как полная цена всего, и необходимого и неоплаченного прибавочного, труда. Прибыль кажется просто превышением продажной цены над издержками производства.

Между тем норма прибыли и прибыль вообще обнаруживаются на поверхности явлений, а невидимая внутренняя, требующая логического анализа, сущность их коренится в прибавочной стоимости.

¹ Ленин. Сборн. IX, стр. 185.

Таким же методом Маркс раскрывает сущность денег, как форму проявления стоимости, сущность ренты, процесса накопления и воспроизводства, кризисов и проч.

Маркс вскрыл иллюзии товарного фетишизма — непосредственного восприятия видимых отношений вещей, снял с них мистический покров и открыл действительные внутренние законы развития капиталистического способа производства.

Ленин сумел за видимостью проявлений эпохи империализма, как монополистической стадии капитализма, вскрыть его сущность и на этой основе квалифицировать его, как умирающий капитализм, канун пролетарской революции. С помощью конкретного диалектического анализа Ленин обосновал закон неравномерного, скачкообразного развития империализма и дал гениальное учение о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. За видимостью трескучих мнимо радикальных фраз правых и «левых» оппортунистов — товарищ Сталин разоблачил их сущность — предательство интересов рабочего класса, контрреволюционное прислужничество буржуазии. В докладе на VIII чрезвычайном съезде Советов товарищ Сталин глубоко показал диалектическую смену исторического содержания таких понятий, как пролетариат, крестьянство и интеллигенция. Глубина диалектического анализа позволила товарищу Сталину на XVIII партсъезде гениально вскрыть сущность государства, в условиях капиталистического окружения, в эпоху коммунизма.

Таким образом совершенно очевидно, что **только диалектический логический анализ, опирающийся на данные чувственного опыта, обеспечивает всестороннее, глубокое отражение предметов, явлений, процессов в природе и обществе.** Так ярко обнаруживается научное значение диалектико-материалистической логики. Эта логика носит предметный, содержательный характер, ее понятия гибки и динамичны, отражая глубокие внутренние существенные стороны и движущие противоречия процесса.

«Господствующее до сих пор понятие логики, писал Гегель, основывалось на однажды навсегда предположенном и обычном сознании разделения содержания познания и его формы, иначе **истины и достоверности**»¹.

Понятия формальной, по существу идеалистической, логики, не отражают всего конкретного богатства действительности, а выхолащивают, оскопляют ее. Формальная логика устанавливает закон обратной пропорциональности между объемом и содержанием понятий: чем шире круг охватываемых понятием предметов, явлений — их объем, тем беднее его содержание.

С точки зрения формальной логики наиболее широкие, основоположные научные понятия — материя, движение, закон, причинность, жизнь и т. д. — наиболее бессодержательны. Современные махисты, неокантианцы, интуитивисты, развивая положения формальной логики, рассматривают логические категории, понятия, законы исключительно, как условные символы, вспомогательные фикции. Неокантианская школа Виндельбанда, Риккерта, Макса Вебера и

¹ Гегель «Большая логика» ч. I, стр. 2.

примкнувший к ним проф. Петрушевский, исходя от указанного формально-логического учения о понятии, отрицая закономерность исторического процесса. Последний слагается, мол, из индивидуальных, якобы, неповторяющихся процессов, которые не могут быть закономерно объяснены, так как логические понятия, законы выявляют только общее, но не единичное, особенное, частное.

Таким образом общее открывается от единичного, сущность процесса от его обнаружения, явления. Между тем, как справедливо указывает Ленин, «отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть так или иначе общее».

Из сказанного очевидно значение диалектического мышления: в теоретически последовательной форме дать всестороннее глубокое отражение диалектически развивающейся природы и общества.

Логические научно-построенные понятия, категории, абстракции суть «ступеньки выделения» из действительности, из «сети явлений природы». Логика в целом есть «итог, сумма, вывод истории познания мира».

IV

Вопрос об отношении чувственного познания к логическому на всем протяжении истории философии был предметом глубочайших разногласий. Ошибочность большинства теорий на этот счет, до Маркса, заключалась в метафизическом разрыве чувственного и логического моментов единого процесса познания, а также в игнорировании одного из них за счет чрезмерного выпячивания другого.

Эмпиризм (сенсуализм) и рационализм—два основных течения в гносеологии, односторонне, а потому и ошибочно, решающие вопрос о роли чувственного и логического моментов в познании человека. Сенсуалисты (Локк, Гоббс, франц. материалисты XVIII ст.) правильно решали вопрос об ощущениях, — как источнике всего человеческого познания. Но их метафизичность сказывалась в том, что они, — во-первых, самое чувственное познание понимали, как раз навсегда данное, мертвое, неизменное, исторически не развивающееся, во-вторых, в том, что они не видели специфических качественно особых черт в логическом познании и потому фактически его игнорировали. Так, Гоббс, хотя и говорит о важности так наз. рационального познания, однако, сводит его к арифметическому процессу сложения и вычитания ощущений.

По определению Гоббса «сознание есть не что иное, как движение в некоторых частях органического тела». Узкий, односторонний «ползучий эмпиризм» дает мертвое, бледное, поверхностное отражение изучаемых процессов. Для узкого, вульгарного эмпиризма характерно преклонение перед внешней видимостью явлений, непонимание их внутренней сущности, закономерности, перспектив и тенденций развития. Такая точка зрения ограничивает задачи науки только описанием фактов, явлений в отрыве от их сущности и открывает дорогу для всяческих идеалистических теорий, — начиная с Беркли, Юма и Канта и кончая махистами, имманентами и т. д.

Практика «экономистов», меньшевиков и всяческих иных «правых» и «левых» оппортунистов, паникеров и капитулянтов всегда бы-

ла органически связана с метафизическим узколобым холопским пресмыкательством перед стихийностью, перед непосредственно чувственно данным. Именно о таких «человеках в футляре», болеющих болезнью чеховского героя Беликова, говорил товарищ Сталин на XVI съезде партии.

Если односторонность эмпиризма, сенсуализма ведет к отрыву чувственного от логического, единичного, частного от общего — то **рационализм**, наоборот, совершенно отрывает логическое познание от чувственного, общее от единичного. Рационализм (Платон, Декарт, Спиноза, Лейбниц) рассматривает логическое познание, как единственно достоверное, ясное, истинное, а чувственное познание, квалифицирует как темное, недостоверное и даже «низменное». Рационализм видит фактически источник логического познания в самом познании, рассматривая его, как имманентный, от ощущений независимый процесс. Древнегреческий ранний предтеча позднейших рационалистов, глава философской школы элеатов, Парменид (VI в. до н.э.) доказывал, что бытие может быть познано исключительно через разум.

Парменид писал:

«Ты не вступай на тот путь, он
мысли твоей бесполезен.
Пусть не принудит тебя накопленный
опыт привычек
Зренье свое утруждать, язык и нечуткие
уши.
Разумом ты разреши труднейшую эту
задачу,
Данную мною тебе»...

Платон в своем «Федоне», устами Сократа, всячески пытается доказать, что душа томится в оковах тела, что зрение, слух и прочие органы чувств не могут дать настоящего знания, но лишь призрачные, скудные «мнения».¹

Систематическое обоснование рационализма и критику сенсуализма Протагора, Демокрита и Гераклита Платон пытается дать в своем основном сочинении «Теэтет»².

Естественно, что рационализм критерий истины видит не в отражении объективного мира, на определяющей основе практики, а во внутренней достоверности понятий, формальной согласованности представлений, самоочевидности, ясности и т. п.

Попытка Канта примирить эмпиризм и рационализм не дала никаких положительных результатов. Хотя Кант и указывает на эмпирическое происхождение содержания познания ощущений из внеш-

¹ Великий материалист древней Греции Демокрит отчетливо устанавливал зависимость разума от ощущений.

«Бедный ум, говорят у Демокрита ощущения разуму — от нас ты имеешь свои доводы, посредством которых ты хочешь нас ниспровергнуть. Ниспровергая нас, ты падаешь сам».

— «Демокрит в его фрагментах», 1935 г., стр. 193.

² Платон «Теэтет», 1936 г., стр. 167.

Замечательно глубокую критику платоновского идеализма и рационализма дал Аристотель в своей «Метафизике». — См. Аристотель «Метафизика» книга 1-ая, глава 9-я, 1934 г.

него мира «вещей в себе», однако его «эмпиризм» ведет не только к полному отрыву логического познания от чувственного, но и к обоснованию решающего, всеопределяющего значения первого (логического).

Родоначальник английского эмпиризма и всей современной опытной науки, по характеристике Маркса, Фр. Бэкон Веруламский еще довольно отчетливо понимал узость и односторонность как вульгарного эмпиризма, так и рационализма. Бэкон уподоблял вульгарного эмпирика муравью, который громоздит огромные массы песчинок в бесформенные кучи, а рационалистов паукам, которые изнутри себя ткют паутину. Рациональное познание, методологически обрабатывающее данные чувственных восприятий, Бэкон сравнивал с пчелой, которая старательно собирает соки с растений, чтобы затем превратить их в мед.

Только диалектический материализм дает правильное решение вопроса о роли чувственного и рационального моментов в человеческом познании. Они даны в процессе познания в единстве, взаимопроникновении и борьбе. Чувственное познание, приблизительно точно отражающее природу и общество, определяет логическое познание, так сказать питает его живыми соками реальной действительности. Но, и само чувственное познание общественного человека обусловлено исторически развивающейся практикой людей и неизбежно пронизано предшествующей работой мысли.

Мы уже говорили об осмысленном характере человеческих восприятий. Можно ли сомневаться, допустим, в том, сколь различен будет характер чувственных восприятий людей различных классов, попадающих, по тем или иным причинам, в нашу социалистическую страну. Пролетарий будет с восторгом и радостью взирать на этот чудесно раскрывающийся перед ним новый мир победившего социализма, а буржуа, напротив, все то же будет воспринимать с чувством злобы, гнева и отчаяния.

Диалектическое единство чувственного и логического познания ведет к «живому, по словам Ленина, многостороннему (при вечно увеличивающемся числе сторон) познанию с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности».

Недостаток «основная беда» метафизического материализма «есть неумение применять диалектику к Bildertheorie (теории отражения), к процессу и развитию познания»¹.

Ленинская теория отражения видит во всех моментах познания — ощущениях, восприятиях, представлениях, понятиях, суждениях — образы, копии, снимки с реальной объективной материальной действительности — природы и общества.

Наши ощущения дают нам образы многочисленных отдельных свойств предметов внешнего мира — их цвета, формы, величины, запаха, вкуса и т. д., а восприятия — непосредственные образы отдельных предметов и их внешних связей. В своей практической, трудовой деятельности человек познает не только непосредственную внешнюю сторону действительности, но и внутреннюю ее закономерность. Отражение внутренней закономерности в явлениях природы и общества, многообра-

¹ Ленин. «Философские тетради», стр. 328.

зия связей между вещами, отдельных признаков, общих для многих вещей, дается в понятиях. «Первая отличительная черта понятий, — по характеристике Ленина, — **всеобщность**»¹.

Всеобщее в объективной действительности отражается в нашем познании в форме понятий. Само собой разумеется, что эта всеобщность дана в действительности не независимо от отдельного, а в нем. «Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и особом невозможно»².

Разве понятие «класс» не отражает наличия в объективной истории человечества больших групп людей, отличающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их различному отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают?

Бельгийский буржуазный социолог Duprat, в борьбе с учением марксизма о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, пришел к отрицанию объективного существования классов, доказывая фиктивность этого понятия, так как, мол, всякий, кто пожелает, может в условиях капиталистического общества свободно переходить из одной социальной группы в другую³.

Понятие общественно-экономической формации отражает основные стадии объективного исторического процесса развития человечества. Буржуазные историки — Пельман, Ростовцев, Макс Вебер и др. — лишают понятие общественно-экономической формации объективного критерия, превращая его в условную фикцию и лишая поэтому всяких хронологических рамок — категории капиталистической экономики отыскиваются ими в рабовладельческой Греции и Риме.

Понятия атом, электрон, химический элемент отражают объективные свойства физико-химических процессов и с помощью тончайших многочисленных экспериментов обнаруживают свою природу.

Диалектическая логика в отличие от формальной, не видит в понятиях нечто застывшее, раз навсегда данное, абсолютно неизменное.

Понятия также диалектически развиваются, как и отражаемая ими быстро меняющаяся развивающаяся объективная действительность. Достаточно убедительным примером является коренное изменение в содержании понятий — пролетариат, крестьянство и интеллигенция в условиях победившего социализма.

Переходы, взаимосвязь понятий — «главное содержание логики, причем эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны, как **отражения** объективного мира. Диалектика **вещей** создает диалектику **идей**, а не наоборот»⁴.

Суждения раскрывают конкретное богатство содержания понятия и тем еще глубже отражают действительность. Суждение —

¹ Ленин «Философские тетради», стр. 171.

² В. И. Ленин. «Философские тетради», стр. 173.

³ «Jahrbuch für Soziologie», I Band, 1925, G.L. Duprat «Soziale Typen oder Soziale Klassen?», стр. 378.

⁴ Ленин. «Философские тетради», стр. 189.

империализм, — высшая стадия капитализма, монополитического, загнывающего, паразитического, умирающего, канун пролетарской революции, раскрывает сущность ленинского понятия — империализм.

Суждение, — коммунистическая партия — передовой марксистский, сознательный, организованный, дисциплинированный, крепко связанный с массами, боевой авангард пролетариата, — раскрывает понятие коммунистической партии, как партии нового типа.

Теория отражения находит свое неопровержимое подтверждение в общественно-исторической практике человечества. Только потому, что передовой прогрессивный класс обладает способностью правильно отражать объективный материальный мир — природу и общество, он может научно предвидеть, предусмотреть дальнейшие тенденции, перспективы исторического развития. А научное предвидение — могущественное средство для успешной деятельности людей.

Однако, образ предмета никогда не может всецело совпасть с самим предметом.

Процесс отражения — исторически, социально, обусловленный процесс, на определяющей основе практики, дающий — «вечное и бесконечное приближение мышления к объекту».

Диалектический процесс познания — отражения обусловлен в своих истоках, содержании и в целевой, конечной своей направленности — общественно-исторической практикой человечества. Никогда не следует забывать того обстоятельства, что познание человека — социально, в классовом обществе, — классово обусловленное познание.

Вполне адекватное, объективно-научное познание, отражение процессов природы и общества, может дать и дает исключительно диалектический материализм — мировоззрение единственного до конца прогрессивного класса человечества — пролетариата.

Общественно-историческая практика человечества, будучи источником, основой и целью познания, является и единственным критерием истинности его.

Именно она, практика, ежедневно и на каждом шагу опровергает ложь и фальшь идеалистов, отрицающих существование объективного материального мира, вне и независимо от нашего сознания.

«Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»¹.

Надо иметь ввиду, что практика в понимании марксистов ничего общего не имеет с идеалистически понимаемой практикой, сводимой исключительно к сфере теории, ощущений, сознания. Марксизм отвергает и сведение американскими прагматистами (Джемс, Дьюи, Циллер) практики к индивидуальной, узко-ограниченной, деловой практике. Исходя из такого буржуазного понимания практики, как критерия истины, прагматисты приходят к отрицанию независимой от человека объективной истины. Истинно, согласно этой идеалистической теории, лишь то, что нам кажется сейчас практически полезным.

¹ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 116.

Надо ли удивляться тому, что подобное понимание практики и критерия истинности ведет прямой дорогой к признанию «практической» истинности бытия божьего, к поповщине, мракобесию, реакции.

Истинно, в действительности, не то, что кажется полезным, а напротив лишь то, со всемирно-исторической точки зрения, полезно, что истинно.

Только всемирно-историческая, в первую очередь передовая революционная практика прогрессивного класса, решает вопрос о правильности, истинности или ложности тех или иных научных и философских теорий.

«**Вся человеческая практика**, пишет Ленин, **должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предметов с тем, что нужно человеку»¹.**

В диалектическом процессе познания — теория и практика даны в единстве, взаимопроникновении и борьбе, причем определяющее значение в этом единстве принадлежит практике: «Практика, пишет Ленин, выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»².

Было бы, разумеется, совершенно неправильно отсюда заключить, что марксизм игнорирует огромную роль научной теории в общественной жизни человечества. Именно Маркс указывал на то, что пролетариат в философии находит оружие своего духовного освобождения.

Именно он, в споре с Вейтлингом, резко указывал последнему, что пренебрежение к теории никогда не остается безнаказанным. Известна борьба Ленина со взглядами «экономистов», обрекавших рабочих на слепое стихийное движение, его исторические указания на то, что «без революционной теории не может быть и революционного движения», что «роль передового бойца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»³.

Теория, вырастая из практики, сама включается в нее, как момент огромнейшего значения. Само собой разумеется, что теория, отстающая от практики, игнорирующая ее, становится безпредметной, пустой, консервативной. Передовая практика стахановского движения внесла могучий корректив в застаревшие теории, сломав консервативные предельные технические нормы. Ничто так не чуждо марксизму, как догматическое отношение к науке, как к некоей засохшей мумии. Марксизм боролся и борется «за процветание науки, той науки, люди которой, понимая значение и силу установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки (аплодисменты)»⁴.

Теория — синтез, обобщение человеческой общественно-истори-

¹ Ленин. «Еще раз о профсоюзах», т. XXVI, стр. 134—135.

² Ленин. Сборник IX, стр. 261.

³ Ленин. «Что делать?», т. IV, стр. 380.

⁴ Сталин. «Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17/1 1938 г.»

ческой практики, и именно потому она и способна открывать перспективы движения, научно предвидеть ход истории.

«Теория, говорит товарищ Сталин, есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно также как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теории. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной как Ленин говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что «без революционной теории не может быть и революционного движения»¹.

Мы уже указывали на то, что в классовом обществе познание, естественно, носит определенный классовый характер. Классовая обусловленность познания находит в истории философии свое выражение в многовековой борьбе материализма с идеализмом.

Так как партия наиболее всесторонне и полно выражает интересы соответствующего класса, то классовость познания, науки, теории означает и их партийность. «Маркс и Энгельс, по словам Ленина, от начала до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших направлениях»².

Всякая попытка возвыситься над «узостью», «односторонностью» материализма и идеализма, как это делали махисты и их русские соратники, занять в философии нейтральную позицию золотой середины означает, по существу, презренно-прикрытое «лакейство перед фидеизмом», прислужничество реакционным классам.

V

Ленинская теория отражения неразрывно связана с признанием объективной истины. Если несомненно, что вне и независимо от нашего сознания существует объективный материальный мир, действующий на органы наших чувств и вызывающий соответствующие ощущения, образы, копии, снимки—то, очевидно, что в нашем познании имеется определенное объективное содержание, т. е. объективная истина.

Вопрос об истинности познания содержит в себе две стороны: «Существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества? Если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно? Этот второй вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной»³.

¹ Сталин. «Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 13.

² Ленин. Собр. соч. т. XIII, стр. 277.

³ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 100.

Ответ на первый вопрос, как мы уже отмечали, необходимо вытекает из всего существа марксо-ленинской теории отражения: признание объективной истины неразрывно связано с взглядом на наши ощущения, представления, понятия, как на образы внешнего мира. Субъективные идеалисты, неокантианцы, махисты, имманенты, отрицающие существование объективного материального мира, тем самым не признают и объективного содержания в нашем познании и следовательно неизбежно отрицают наличие объективной истины.

Разрыв между ноуменальным и феноменальным миром — «вещами в себе» и явлениями, утверждение априорного характера познания привели Канта к агностицизму и, следовательно, к отрицанию объективной истины. По словам Канта телесный мир — «только явление в чувственности нашего субъекта и представляет один из видов его представления».

Идеализм Богданова особенно отчетливо сказался в его решительном отрицании объективной истины. Для Богданова истина только субъективна, так как она — «идеологическая форма», «организующая форма человеческого опыта». Подобный богдановский субъективный критерий истины, не взирая на всяческие фиговые листочки, вроде «социально-согласованного, социально-гармонизованного, социально-организованного опыта», неизбежно ведет к оправданию суеверий, поповщины.

— «Отрицание объективной истины Богдановым «гармонирует» всецело с фидеизмом... Отрицание объективной истины Богдановым есть неизбежный результат всего махизма, а не уклонение от него»¹.

Идеалисты, отрицающие объективную истину, рассматривают науку, как систему условных символов, знаков или даже фикций. Файгингер разработал новую разновидность идеалистической философии — **фикционализм** — философию «Als ob» («как будто бы»), согласно которой законы и понятия, устанавливаемые наукой, совершенно не имеют объективного характера и являются только условностями, фикциями. «Правда, говорит Файгингер, есть самое целесообразное из заблуждений».

Безсилие науки познать истину усердно доказывает А. Пуанкаре: «Не только, пишет он, наука не может открыть нам природу вещей, ничто не в силах открыть нам ее... Мы не только не можем угадать ответа, но если бы даже нам дали его, мы не были бы в состоянии понять его сколько-нибудь»².

По словам Л. Берга — «истина — есть полезная фикция, заблуждение — вредная». Истинно не то, что отражает объективный мир, так как бытие последнего идеалистами ведь отрицается, а лишь то, что целесообразно³.

Отрицание объективной истины ограничивает задачи науки исключительно описанием, регистрацией и классификацией фактов и отказом от их объяснения. По словам Маха «наука может рассматривать-

¹ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 102-103.

² А. Пуанкаре. «Ценность науки», стр. 18.

³ Проф. Л. С. Берг. «Наука, ее содержание, смысл и классификация», 1922 г., стр. 41.

ся, как задача на минимум, состоящая в том, чтобы возможно полнее изобразить факты с наименьшей затратой рабочего мышления»¹.

Пирсон видит задачу науки только в том, чтобы «описать возможно немногими словами возможно широкий круг явлений: — «познание есть стенографическое описание в понятиях — никогда не объяснение рядов повторяющихся последовательностей нашего чувственного опыта»².

Апофеоз импотентности науки — объективное выражение деградации капитализма и его ученых приказчиков.

Практика — единственно достоверный критерий истинности познания, она ежедневно опровергает жалкую философию безсилия — агностицизм.

Безусловное признание объективной истины не означает, однако, что она познается сразу, целиком, безусловно. Познание общественного человека не есть моментальное мертвенно зеркальное отражение внешней действительности. Познание исторически развивается, непрерывно, на определяющей основе практики, все глубже и совершеннее отражая диалектически развивающуюся природу и общество. Энгельс высмеивал Дюринга за его увлечение вечными и плоскими истинами. «Истина, по словам Ленина, есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине через «практику» (и технику)»³.

Исторически развивающееся общественное познание — бесконечная, диалектически развивающаяся единая цепь, состоящая из ряда звеньев — относительных истин. В каждой из относительных истин выражается абсолютная истина.

«Быть материалистом, пишет Ленин, значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину»⁴.

Ленинское учение о диалектике абсолютной и относительной истины — ярчайшее выражение всей глубины обоснованной им теории отражения. Оно показывает, что познание есть бесконечный путь исторического движения от незнания к знанию, оно направлено против окостенения, консерватизма науки. Вся история человеческой науки убеждает нас в том, что она состоит из ряда исторически относительных истин — теорий, понятий, законов, в каждой из которых дана объективная, абсолютная истина. — «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель... Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа»⁵.

¹ Э. Мах. «Механика», 1909 г., стр. 409.

² К. Пирсон. «Грамматика науки», стр. 363, 386.

³ Ленин. «Философские тетради», стр. 193.

⁴ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 108.

⁵ Ленин. Там же, стр. 111.

Махисты возводят условную, историческую относительность истины в безусловную, абсолютную.

Относительный, обусловленный данными историческими условиями развития производительных сил и науки, релятивизм нашего познания махисты объявляют абсолютным, что неизбежно ведет к скептицизму, агностицизму, субъективизму. «Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание¹.

Абсолютный релятивизм неокантианцев, махистов, имманентистов неразрывно связан с их онтологическими воззрениями, идеалистическим отрицанием существования объективного внешнего материального мира. И, наоборот, признание объективной истины, т. е. не зависящей от человека и человечества природы, обязывает к признанию абсолютной истины.

«Нельзя, говорит Ленин, отрицать абсолютной истины, не отрицая существования объективной истины»².

М. Планк, в то уже прошедшее время, когда он еще был близок к материализму, писал о том, что «физика со всех сторон опирается на абсолютное, лежащее во внешнем мире. Ибо, если бы абсолютное, как принимают некоторые теоретики познания, можно было найти лишь в собственном переживании, то по существу должно было бы быть столько видов физики, сколько физиков».

История важнейших открытий в науке физики убеждает Планка, в отличие от критикуемых им махистов, в том, что «мы не создаем внешний мир, а, наоборот, он сам со стихийной силой навязывается нам»³.

Исходя от признания существования объективного внешнего мира, Планк решительно отвергал абсолютный релятивизм махистов, доказывая на ряде примеров из истории физики, что мы всегда ищем «за относительным — абсолютное, за преходящим — непреходящее».

На примере эволюции учения об атомном весе, о понятии энергии, о принципе сохранения энергии, об энтропии, строении атомов, о пространстве и времени и многих других, Планк доказывал, что «все относительное в последнем основании связано с чем-либо самостоятельным, абсолютным. Иначе понятие, доказательства или относительное висит в воздухе, подобно сюртуку, для которого нет гвоздя, чтобы его повесить»⁴.

По справедливому замечанию Планка вопрос о правильности тех или иных физических гипотез выходит «за пределы формальной логики» и проверяется практикой в долгом историческом процессе развития науки. Так стихийный, хотя и непоследовательный, материализм приводил Планка к заключению о неразрывном диалектическом единстве относительного и абсолютного в развитии науки, к утверждению о том, что «абсолютное образует цель, которую мы постоянно имеем перед глазами».

¹ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 111.

² Ленин. Там же, стр. 100.

³ М. Планк. «От относительного к абсолютному», стр. 43, 44.

⁴ Там же, стр. 41.

Диалектика познания, вся двухтысячелетняя история науки убеждают нас в непреложной достоверности марксо-ленинского учения об абсолютной и относительной истине. Правильное решение этого вопроса предполагает признание существования вне нашего сознания объективного материального внешнего мира. Некогда и Планк это понимал, когда утверждал, что величайшие открытия Коперника, Кеплера, Ньютона, Гюйгенса, Фарадея и др. определялись тем, что «опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира»¹.

Необходимо в то же время иметь в виду, что одно лишь признание существования объективной истины, отражающей в нашем сознании внешний мир, не ведет к правильному решению вопроса о соотношении абсолютной и относительной истины. Метафизический, механистический материализм, хотя и признавал существование объективной истины, не понимал, однако, исторического характера истины, все более и более глубокого раскрытия ее в длительном противоречивом процессе отражения природы и общества.

По замечательно глубокой характеристике Энгельса «истина заключается в самом процессе познания, в длинном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на высшие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя так называемую абсолютную истину, — уже не могла бы пойти дальше»².

Относительные, исторически обусловленные истины — это зерно в сумме абсолютной истины.

Неограниченная абсолютная мощь человеческого мышления осуществляется в ряде исторически сменяющихся поколений при «бесконечной продолжительности жизни человечества». (Энгельс).

Материалистической диалектике чужд абстрактный подход к изучению действительности. Ленин не раз обвинял Плеханова в подобном абстрактном формально-логическом методе анализа сложнейших социальных процессов. Особенно ярко этот порок Плеханова и всех меньшевиков сказался в оценке движущих сил революции 1905 года. Вместо конкретного анализа исторических своеобразий российской буржуазно-демократической революции 1905 г., в условиях эпохи империализма, Плеханов и меньшевики проводили метафизическую поверхностную аналогию этой революции с ранее бывшими буржуазными революциями. Слепо следуя формально-логической силлогистике, Плеханов и меньшевики приходили к нелепому и вредному выводу о том, что в буржуазно-демократической революции 1905 г., как и во всех доселе имевших место в истории буржуазных революциях, гегемоном должна быть либеральная буржуазия, а пролетариат должен почтительно и осторожно плестись за ней в хвосте. Детальный глубокий учет всех конкретных исторических особенностей революции 1905 г. привел Ленина к единственно-научно-правильному выводу о том, что эта революция, буржуазная по содержанию, пролетарская по методам борьбы, народная по широкому охвату участвующих в ней миллионных масс

¹ М. Планк. «Единство физической картины мира» — Сборник «Физические очерки».

² Маркс и Энгельс. Соч. т. XIV, стр. 637.

рабочих и крестьян, что в ней сочетаются две социальные тенденции — одна, направленная против самодержавного полукрепостнического строя, другая против буржуазии. Глубочайший диалектический анализ революции 1905 года привел Ленина к заключению о том, что гегемоном ее может и должен быть только пролетариат — единственный до конца последовательный революционный класс, что союзником его в борьбе с царизмом будет крестьянство, что либеральная буржуазия должна быть нейтрализована и, наконец, к пророческому предсказанию о том, что российская буржуазно-демократическая революция, при благоприятных условиях ее развития, неминуемо перерастет в социалистическую революцию. Ленинское учение о конкретности истины определяет всю тактику партии большевиков на всем протяжении ее истории. В своих гениальных «письмах о тактике» Ленин предостерегает против абстрактно-догматического заучивания и простого повторения «формул» Маркса и Энгельса без учета **«конкретной экономической и политической обстановки каждой особой полосы исторического процесса»**. Марксизм, указывает Ленин, требует от нас самого точного объективно проверенного учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента.

На основе диалектического, т. е. всесторонне конкретного анализа противоречивых классовых тенденций в февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, Ленин разработал конкретный тактический план действий партии большевиков в период подготовки Октября. «Своеобразие текущего момента в России», Ленин видел в **переходе** от первого этапа революции ко второму. Поэтому основным лозунгом он считал в **этот** момент подготовку к победе во втором этапе революции, т. е. подготовку к социалистической революции. Ленин считал поэтому уже недостаточной и устарелой формулу «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», так как «на очереди дня уже иная, новая задача: раскол пролетарских (антиоборонческих, интернационалистских, «коммунистских», стоящих за переход к коммуне) элементов **внутри** этой диктатуры и элементов **мелко-хозяйских** или **мелко-буржуазных** (Чхеидзе, Церетели, Стеклов, с-ры и пр. и пр. революц. оборонцы — противники движения по пути к коммуне, сторонники «поддержки» буржуазии и буржуазного правительства)»¹.

Предатель, будущий злейший враг народа и шпион, Каменев уже тогда боролся с Лениным, отстаивая старые лозунги, доказывая, что буржуазно-демократическая революция не закончена и что не может быть и речи о ее перерастании в социалистическую революцию. Ленин напоминал ту бесспорную истину, что «марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты **действительности**, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая как всякая теория в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь **приближается** к охватыванию сложности жизни»².

Старая точка зрения на буржуазную революцию утверждала, что господство пролетариата и крестьянства, их диктатура могут после-

¹ Ленин. Соч. т. XX, стр. 101.

² Ленин. Соч. т. XX, стр. 102.

См. Сталин. «Вопросы ленинизма» изд. 11-е 1939 г., стр. 167—174.

довать только вслед за господством буржуазии. «А в живой жизни уже вышло иначе: получилось чрезвычайно оригинальное новое невиданное, **переплетание того и другого**».

В. И. Ленин указывал предателю Каменеву, что он и в 1917 г. смотрит только на **прошлое** революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, тогда как **на деле** для нее уже началось **будущее**. Вместо устаревшего лозунга диктатуры пролетариата и крестьянства Ленин провозгласил новый лозунг диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Своеобразие буржуазно-демократической революции 1917 г. заключалось в двоевластии, переплетании двух диктатур — диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата и крестьянства. Только учитывая эти конкретные исторические особенности, партия большевиков и смогла разработать гениальный Ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Своеобразие тактики, вытекавшее из своеобразия фактического положения заключалось, до июля 1917 г., в работе критики, разъяснении предательства мелко-буржуазных соглашательских партий, в подготовке и сплочении элементов сознательно-пролетарской коммунистической партии, высвобождении пролетариата из общего мелко-буржуазного угара. Отсюда и ориентация партии большевиков в этот период февральской революции 1917 г. (доиюльских событий) на мирное ее развитие, мирный переход власти из рук Временного буржуазного правительства в руки Советов.

Замечательным примером диалектического понимания истины, как конкретной истины, является тактика большевиков по вопросу о лозунге «вся власть Советам» в период февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Этот лозунг, указывал Ленин, был верен до кровавых июльских событий. Но после июльских событий объективное положение круто изменилось. «Теперь эта борьба, борьба за своевременный переход власти к Советам окончилась. Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный наиболее болезненный путь... Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка»¹.

После того как реальное соотношение классовых сил круто изменилось и народные массы на опыте изжили слепое доверие к соглашательским мелко-буржуазным партиям, партия большевиков снова выдвинула в сентябре — октябре 1917 года лозунг — «вся власть Советам». Но это была уже борьба за новые Советы, освобожденные от эсеро-меньшевистского засилья, за Советы, как новый тип государственной власти, государственную форму диктатуры пролетариата.

Партия нацелила рабочий класс на вооруженное восстание, на подготовку к социалистической революции².

Все искусство ленинско-сталинской стратегии и тактики большевизма заключается в том, чтобы не «подменять конкретное абстрактным», так как такая подмена «один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции». Только на этой основе можно понять

¹ Ленин. Соч. т. XXI, стр. 35.

² Сталин. «Вопросы ленинизма» 11-е издание. 1939 г. — «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», стр. 97—98.

почему Маркс и Энгельс в условиях эпохи промышленного капитализма отстаивали положение о возможности победы социализма только одновременно, хотя бы в нескольких самых передовых капиталистических странах, а Ленин и товарищ Сталин в **новых** условиях, в обстановке **новой** исторической эпохи империализма научно обосновали **новое** гениальное учение о победе социализма в одной отдельно взятой стране. Только конкретный, диалектикоматериалистический анализ всей международной обстановки, капиталистического окружения позволил товарищу Сталину дать свое **новое** замечательно глубокое учение об условиях окончательной победы социализма и коммунизма. Только творческое понимание марксизма дало возможность товарищу Сталину на XVIII партийном съезде поднять учение Маркса—Ленина о государстве в период коммунизма, но в условиях капиталистического окружения, на **новую** ступень.

Конкретный анализ реального соотношения сил внутри СССР и в капиталистическом мире, умение в соответствии с этим решительно и быстро наметить правильную генеральную линию партии — характеризует гений Вождя народов — Великого Сталина.

Вот в чем глубочайший смысл Ленинского учения о том, что абстрактной истины нет, что истина всегда конкретна.

VI

Теорию отражения блестяще подтверждает мало исследованная еще в теоретико-познавательном плане проблема ортоскопичности или константности предметных восприятий. Ортоскопичность означает относительное постоянство воспринимаемой нами величины, формы и цвета предметов, независимо от изменяющихся условий. Гельмгольц, Геринг и другие исследователи доказали независимость воспринимаемых нами цветов вещей от различных изменений в условиях освещения. Так и в сумеречном освещении белая бумага воспринимается нами, как белая, а шрифт печатных букв мы воспринимаем, как черный, независимо от того имеет ли это место при ярком солнечном освещении или в сумерки. Белая ткань воспринимается нами, как белая при любом освещении. Уголь и при ярком солнечном освещении в полдень воспринимается нами, как черный, а мел и в сумерки, как белый.

Восприятие цветов предметов остается, следовательно, неизменным, хотя при различном освещении изменяется физический состав отбрасываемых световых волн. Такое постоянство восприятий имеет место и для величины и формы предметов. Не взирая на то, что при удалении от нас на некоторое расстояние предмета его отображение на сетчатке уменьшается, воспринимаемый образ предмета, его величина и форма остаются приблизительно неизменным.

А. А. Смирнов экспериментально подтвердил установленную Тулесом известную, в довольно широких границах, константность воспринимаемой величины объектов при поворотах его к линии зрения наблюдателя¹.

¹ А. А. Смирнов. «Зависимость константности воспринимаемой величины объектов от угла поворота их к линии зрения наблюдателя при разных дистанциях наблюдения». В сборнике «Зрительные ощущения и восприятия», 1933, стр. 257.

Оставляя в стороне вопрос о физических основаниях ортоскопичности восприятий¹, укажем на следующие моменты, определяющие значение этой проблемы для теории отражения:

1. Ортоскопичность восприятий означает их известную **относительную** независимость от **непосредственных** периферических раздражений. Со всей отчетливостью необходимо установить, что не может быть и речи об **абсолютной** независимости восприятий от периферических раздражений. В конечном итоге внешние раздражители и возникающие на их основе ощущения определяют все без исключения моменты психического процесса. Мы говорили поэтому только об **относительной** независимости **восприятий от непосредственных периферических раздражений**. Восприятия только потому и могут отражать основные качества предметов внешнего мира, что их источником являются ощущения, несомненно зависящие от свойств внешнего раздражителя. Возникающий в процессе восприятий образ цвета, величины, формы предмета не может рассматриваться, как некий спонтанный процесс, протекающий только в коре головного мозга. Подобное толкование ортоскопии привело бы к физиологическому идеализму. Единственно возможное научное истолкование этой проблемы возможно только с позиций материалистической философии. В процессе длительного чувственного опыта периферические раздражения оставляют в высших нервных центрах так наз. энграммы, т. е. известные последствия. Последние известным образом корректируют последующие непосредственные периферические раздражения и тем самым образуют константность восприятий. **Решающую роль в устойчивости ортоскопического образа играет, разумеется, практика.**

2. Ортоскопичность восприятий должна быть истолкована только, как подтверждение независимого от сознания существования объективных свойств внешнего предметного мира.

3. Ортоскопичность восприятий подтверждает, что восприятия дают приблизительно верный адекватный образ объективных свойств вещей.

4. Ортоскопичность восприятий показывает, что восприятия корректируют показания ощущений и поднимают тем самым процесс отражения на более высокую ступень.

Против марксо-ленинской теории отражения буржуазные философы идеалисты и социал-фашисты (Макс Адлер, Отто Бауэр, З. Марк и др.) выдвинули ряд возражений². Одно из них, выдвинутое еще

¹ См. С. К. Кравков «Глаз и его работа» стр. 280.

² Зигфрид Марк в австро-«марксистском» журнале «Kampf» некогда писал о том, что ему, мол, больно видеть, как Ленин, «государственный деятель рабочего класса», столь непочтительно относится к Канту и Маху и главное столь решительно защищает теорию отражения. З. Марк обнаруживает, как и другие «критики» Ленина, изумительное невежество. С апломбом буржуазного приват-доцента (или приват-доцента) он винит теорию отражения в наивном реализме и в том, что она, мол, имеет дело с неподвижным объектом познания и соответствующим ему статическим и неподвижным познанием.

Может ли, вопрошает Зигфрид Марк, процесс быть отображенным, не должен ли он быть постоянно определяем совершенно по новому. Ограниченность «критического» ума З. Марка заставляет его предполагать, что теория отражения исходит от признания неизменного объекта и мертвенно-зеркального статического его отражения.

Так беспардонно социал-приказчики буржуазии фальсифицируют гениальную Ленинскую теорию отражения.

Мальбраншем, заключается в уверении 'о том, что ощущения могут быть образом предмета единственно лишь при том условии, если этот предмет еще до познания дан нам целиком и полностью непосредственно, интуитивно в нашем сознании. Но если это отрицается, то тогда, мол, не с чем сравнивать и образ. Мальбранш, как и все идеалисты, совершенно неправильно просто отождествляет познание предмета и предмет познания, образ с его объектом. Вторая концепция, направленная против теории отражения, устанавливает абсолютную пропасть между образом и предметом. **Это и есть нероглифическая теория познания, защитниками которой были Гельмгольц, Сеченов и Плеханов.** Еще до Гельмгольца известный физиолог Мюллер установил так называемый «закон специфической энергии чувств», который лег в основу «физиологического» идеализма. Согласно этой теории специфические чувствительные нервы могут вызывать специфические ощущения совершенно независимо от характера раздражителей. Мюллер утверждает, что «одна и та же внешняя причина возбуждает в различных органах чувств различные ощущения, соответственно природе каждого органа чувств». Мюллер, на основании своего закона, пришел к заключению о том, что совершенно различные раздражители (механический, электрический, химический и др.), действуя на один и тот же орган чувств (напр. глаз), всегда порождают одинаковые (напр. световые) ощущения.

Отсюда Мюллер приходил к кантианскому заключению о том, что «чувственное ощущение не доводит до сознания какого-нибудь качества или состояния тел внешнего мира, а доводит до сознания некоторого качества, состояние чувствительного нерва, вызванное какой-нибудь внешней причиной, и эти качества, различные в различных чувствительных нервах, суть энергии органов чувств». Ошибка Мюллера заключалась, во-первых, в забвении им того факта, что дифференцированность органов чувств есть продукт исторического приспособления животных к внешней среде, во-вторых, в метафизическом абсолютизировании специфичности органов чувств, игнорировании их взаимодействия, в-третьих, в отрыве органов чувств от внешних объектов.

Между тем установлено, что далеко не все раздражители вызывают в определенных органах чувств тождественные ощущения: так свет не может вызвать слуховые, осязательные, обонятельные ощущения, звук не порождает вкусовых, световых, обонятельных и иных ощущений. То, что органы чувств призваны отражать объективную природу вещей было известно еще древне-греческим материалистам.

В этом именно и заключается глубокий смысл афоризма Гераклита: «Если бы все существующее превратилось в дым, то органом познания были бы ноздри»...¹

Маркс указывал на несостоятельность физиологического идеализма, говоря, что «световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз»².

Ученик И. Мюллера Г. Гельмгольц, опираясь на закон специфич-

¹ Маковельский. «Досократики», ч. 1, 1914 г., стр. 149.

² К. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 31.

ческой энергии чувств, объявил наши ощущения и представления простыми условными символами, знаками, иероглифами. По словам Гельмгольца И. Мюллер доказал, что различия в ощущениях совершенно не зависят от внешних воздействий, а исключительно от различных нервных аппаратов. Поэтому, утверждает Гельмгольц, — «наши ощущения по своему качеству суть только **знаки** внешних объектов, а отнюдь не **воспроизведения** их с тою или другою степенью сходства»¹.

Изъ «знаковой» теории Гельмгольца неизбежно следовало отрицание возможности познавать «вещи в себе», пропасть между ними и явлениями, между образом и предметом².

Иначе говоря, указанные воззрения вели к кантовскому агностицизму. Ленин показал, в каком глубоком противоречии «стыдливый» агностицизм Гельмгольца находится с его исходными материалистическими утверждениями о том, что «наши понятия и представления суть **действия**, которые производят на нашу нервную систему и на наше сознание предметы, которые мы видим, или которые мы себе представляем»³.

Ленин подвергает всесторонней критике иероглифическую теорию познания, защитником которой стал Плеханов. Иероглифическая теория отрицает всякое сходство между ощущениями, представлениями, понятиями, образами и предметами. «Иероглифы» превращают ощущения и представления человека из копий, отражений действительных вещей и процессов природы в условные знаки, символы, иероглифы. Именно эта иероглифическая теория определила кантианские ошибки Плеханова, когда он в своей статье «Еще раз материализм» писал, что «было бы очень странно, если бы ощущение и выросшее на его почве представление **походило** на ту вещь, которая его вызвала и которая сама не есть конечно **ни ощущение, ни представление**». В той же статье Плеханов договаривается до взгляда на пространство и время, как субъективные формы сознания⁴.

Иероглифическая теория отрывает субъект познания от объекта, игнорирует то обстоятельство, что в наших **субъективных** ощущениях, представлениях, понятиях отражается **объективная** действительность. Эта теория, утверждая кантианский разрыв между вещами в себе и явлениями, «вносит некое недоверие к чувственности, недоверие к показаниям наших органов чувств» (Ленин), ведет к агностицизму, т. е.

¹ Г. Гельмгольц. «О цели и об успехах естествознания», ст. 96.

² Отрицание Гельмгольцем объективного содержания наших ощущений и зависимость его агностицизма от воззрений Мюллера явствует из следующих его высказываний:

«Мы отрицаем поэтому объективную природу наших ощущений, так как световое ощущение и свет ни в коем случае друг другу не соответствуют. Бывают ощущения света, которые не светом возбуждаются, и свет, который не может возбудить какое-либо ощущение. Отсюда следует неоспоримый вывод, сделанный еще Мюллером, что своеобразие световых ощущений не обусловлено особой деятельностью зрительных нервов, чем бы она ни вызывалась, но что ощущения всецело порождаются только качеством самих световых ощущений».

H. Helmholtz — «Wissenschaftliche Abhandlungen, Zweier Band Leipzig 1883, — «Ueber» die Natur der Menschlichen Sinnesempfindungen» стр. 605 (Перевод мой. С. К.)

³ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 491.

⁴ Плеханов. Соч., т. XI, стр. 141.

к отрицанию возможности познать существующий вне нашего сознания объективный материальный мир.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин доказал, что между вещью в себе и явлениями принципиальной разницы нет и быть не может. «Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления на счет особых граней между тем и другим, на счет того, что вещь в себе находится «по ту сторону явлений» (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), — все это пустой вздор, Schrulle, выверт, выдумка»¹.

Вся история общественно-исторической практики, техники, науки неопровержимо доказывает, что непознаваемых вещей в природе нет: ум человека проникает в глубочайшие недра атомного мира, раскрепощая могучие потенциальные запасы энергии, с успехом изучает природу космических лучей и химию звезд, раскрывает ранее неизвестные закономерности общественной жизни людей. Непреодолимое движение прогрессивного человечества, под воздействием мудрой партии Ленина—Сталина, вперед к сияющим вершинам коммунизма, разбивает в прах заунывную могильную песенку Дюбуа-Реймона — (Ignoramus. Ignorabimus). (Не знаем. Никогда не узнаем).

Прав великий оптимист Гете, доказывавший, что «на скорлупу и ядро бесцельно делить природу, — все в ней безраздельно».

«В противоположность идеализму, который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверности наших знаний, не признает объективной истины и считает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой,—марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще непознанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики»².

Марксистско-ленинская теория отражения неопровержимо обосновала положение о полной познаваемости мира и его закономерностей. Понятно, сколь значительны вытекающие отсюда выводы для изучения общественной жизни и всей истории человеческого общества.

«Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин.

Значит, наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой,

¹ Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 84.

² И. Сталин. «О диалектическом и историческом материализме»—«Вопросы Ленинизма». 11 издание, 1939 г., стр. 543.

как скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения.

Значит, в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов¹.

Значит—разговоры буржуазных социологов и историков, типа Риккёрта, Виндельбанда, Макса Вебера, Э. Мейера и др., о невозможности познать законы исторического процесса, сплошная выдумка и ложь. Эта ложь непосредственно направлена на обоснование вечности и нерушимости капитализма, на борьбу с гениальным учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о неизбежной исторически необходимой гибели капиталистического варварства.

Никто и ничто не может опровергнуть того факта, что марксизм научно обосновал законы общественного развития, что социализм из мечты о лучшем будущем человечества превратился в гениальную марксо-ленинскую науку. Величайшее всемирно-историческое значение и непобедимая мощь марксо-ленинской теории в том, что она научила, по словам Ленина, пролетариев мира самосознанию и самопознанию, дала гениальный синтез глубочайшей научности с пламенной несокрушимой революционностью. Вся богатейшая практическая деятельность Великой партии Ленина—Сталина, на всем протяжении ее славной истории, освещена ярким светом марксо-ленинской науки.

Связь науки с практической деятельностью, связь теории и практики — путеводная звезда партии пролетариата.

Под знаменем Марксо-Ленинской теории социализм победил на одной шестой части земного шара. Под этим же испытанным знаменем, под руководством Великого Сталина — коммунизм восторжествует во всем мире.

¹ И. Сталин. «О диалектическом и историческом материализме» — «Вопросы Ленинизма» 11 изд., 1939, стр. 545.

